
ДИСКУССИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ

© 2020 г. И.А. Гринько*, А.Б. Лагутин**, А.А. Гончаров***

Управление музейно-туристского развития ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

*E-mail: IAGrinko@yandex.ru

**E-mail: ALagutin@mosgortur.ru

***E-mail: AGoncharov@mosgortur.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Данная работа продолжает исследования проблематики скрытого конфликта между профессиональными и общественными интересами при проектировании музейных археологических экспозиций. Основная цель статьи — выявить возможности археологического музея по совмещению интересов профессионального и локальных сообществ, а также туристической аудитории. Для ее реализации были проанализированы запросы профессионального археологического сообщества в Российской Федерации к форматам и контенту археологических музеев, которые были сопоставлены с современными практиками представления археологического наследия в европейских музеях. Инструментарий исследования включал социологический опрос представителей археологического сообщества и полевые исследования в музеях Германии, Великобритании, Испании, Греции, Польши, Эстонии, Израиля и других европейских государств.

Ключевые слова: археология, музеи, археологические музеи, антропология академической жизни, музейное проектирование, музейные экспозиции.

DOI: 10.31857/S086960630009076-2

«При переходе к постакадемической науке в исследовательскую культуру повсеместно внедряется “норма полезности”, ожидаемые и предполагаемые открытия заранее оцениваются с коммерческой точки зрения. В свое оправдание такие, кажущиеся бесполезными, науки, как астрофизика или классическая археология, должны доказывать обществу свою “культурную ценность”» (Займан, 2000).

Маловероятно, что археология в эпиграфе была упомянута случайно: «археология не просто заинтересована в них (связях с обществом. — И.Г., А.Л., А.Г.), она целиком зависит от того, насколько общество осведомлено о ней и ее задачах, потому что самопроизвольно ее польза мало кому понятна... Да и отношение к археологическим памятникам в нашей стране оставляет желать лучшего. Поэтому для археологии ее связь с обществом — это не только насущная задача, но условие ее существования» (Клейн, 2017. С. 265). Сегодня инструментов для популяризации научного знания более чем достаточно (Pujol et al., 2012;

Walker, 2014), однако, даже несмотря на развитие интернета, роль музеев для развития науки все же сложно переоценить (Sturtevant, 1969; Schiele, 2014).

Кроме того, в настоящее время музеи не могут ограничиваться исключительно научно-образовательной функцией. Музеи, в том числе и археологические, продолжают оставаться важным элементом в системе международного и внутреннего туризма (Романчук, 2010; Каплунов, Родионова, Насонов, 2016; Brida, Meleddu, Pulina, 2012). Поэтому в число их задач сегодня входит не просто представление наследия, но и формирование конкурентных локальных идентичностей, то есть брендов территорий (Гринько, 2016; Anholt, 2007). Возникает необходимость включения музеев в социокультурную среду, что уже зафиксировано в межгосударственных соглашениях, например Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (2005). Подобная ситуация требует соблюдения интересов всех заинтересованных сторон, т.е., как минимум, локального сообщества, туристов и профессионального

сообщества. Для археологических музеев работа с локальным сообществом важна особо, поскольку только установление взаимовыгодных отношений с ним дает шанс на бережное отношение и сохранение археологических памятников на конкретной территории (Каменский, 2009).

Однако по-прежнему во многих случаях археология в музее — это все та же “история, вооруженная лопатой”, не имеющая своей методологии и не подчеркивающая специфику источниковой базы, что отчасти подтверждается и терминологическими установками: “Археологические музеи — это одна из групп музеев исторического профиля, осуществляющих собирание, хранение, изучение и экспонирование древних вещественных источников. Основу собраний археологических музеев составляют предметы, обнаруженные в процессе исследования памятников археологии” (Дукельский, Фролов, 2001. С. 44, 45). Соответственно и археологические экспозиции в первую очередь должны иллюстрировать исторический нарратив, а не археологический, в “лучшем” случае сводясь к вещеведению.

Ситуация в археологии отягощается классическим профессиональным мифом о том, что “археологические и этнографические коллекции — один из наиболее привлекательных выставочных материалов. В отличие от технических достижений и естественнонаучных материалов предметы материальной культуры являются более понятными и близкими образами для любого человека, даже не имеющего специальной подготовки” (Мурзинцева, 2006). Несмотря на то, что уже два десятилетия назад был поставлен вопрос о том, что “восприятие музейной публикой археологических материалов без историко-культурной или социальной интерпретации практически невозможно” (Жукова, 2000), подобная мифологема до сих пор существует, хотя многие из археологических артефактов непонятны современному посетителю по функционалу и далеко не всегда обладают эстетической привлекательностью. Также этот миф провоцирует появление совершенно непонятных рядовому посетителю текстов вроде “Ойнохоя чернолощенная”. Кроме того, акцент на артефактах уводит нас от главного источника — археологического памятника, его контекста и значения в локальной и глобальной истории.

Сложившаяся ситуация в большинстве случаев происходит из представления о том,

что музейное проектирование не является специализированным видом деятельности (Музейное проектирование, 2009). В итоге созданием археологических экспозиций занимаются действующие археологи, работающие в музее на постоянной или временной основе. Под воздействием “экспертного проклятия” экспозиции получают ориентированными скорее на других археологов или, в крайнем случае, на глубоко заинтересованного и эрудированного посетителя, но никак не на массового.

Из данного конфликта и вытекает цель данного исследования: выявить возможности археологического музея по совмещению интересов профессионального и локального сообществ, а также туристической аудитории.

Задачи исследования:

- проанализировать запросы профессионального археологического сообщества в Российской Федерации к форматам и контенту археологических музеев;

- сопоставить эти материалы с современными практиками представления археологического наследия в европейских музеях.

Данное исследование носило не только теоретический характер, поскольку перед авторами была поставлена задача разработки рамочной концепции для археологического музея в ландшафтном парке “Митино” (Москва).

Проблематика скрытого конфликта между профессиональными и общественными интересами при проектировании археологических экспозиций уже поднималась ранее (Жукова, 2000; Андреев, 2014), однако она базировалась больше на гипотезах. Подобные исследования проводились в Западной Европе (Copley, 2010), однако вряд ли возможно напрямую экстраполировать их результаты на восточноевропейские страны.

Исходя из задач, в работе использовался разный инструментарий: были проведены социологический опрос представителей археологического сообщества и полевые исследования в музеях (Германии, Великобритании, Испании, Греции, Польши, Эстонии и других европейских государств).

Опрос состоял из семи закрытых и открытых вопросов. Всего на вопросы анкеты ответили 149 респондентов, 47.7% — мужчин и 52.3% — женщин.

Возрастные категории: 18–25 лет — 12.1%; 25–35 лет — 36.9; 35–45 лет — 26.8; 45 лет и старше — 24.2.

Структура выборки отчасти предопределена инструментарием, поскольку анкета рассылалась по профессиональным сообществам через социальные сети.

Большинство респондентов регулярно посещает профильные музеи и экспозиции, что отчасти связано не только с интересом к музеям, но и структурой профессиональной коммуникации, в том числе: по случаю, раз в несколько лет — 10.7%; раз в год — 21.5; раз в несколько месяцев — 46.3; регулярно, не реже чем в раз месяц — 14.1.

Причины непосещения в целом также оказались довольно банальны: нехватка времени и дефицит доступных выставок и экспозиций: “Не всегда удастся выбраться туда, где есть археологическая экспозиция”. Хотя отдельные респонденты признавались, что низкая мотивация к посещению вызвана и качеством музеев: “скучные”, “редкое обновление экспозиции”.

Предсказуемым стал наиболее популярный ответ на вопрос “Что является главным объектом интереса на археологических экспозициях?” — 71.8% респондентов ответили, что это “экспонаты”. При этом на последнем месте по популярности почему-то оказался вариант “Информация / этикетаж / тексты”, который выбрали всего 7.4% опрошенных. Это говорит о том, что при проектировании экспозиционно-выставочных проектов необходимо дозированно размещать сопровождающую информацию. Дизайн экспозиции и вспомогательные объекты оказались интересны лишь 10% посетителей.

Соответственно и на вопрос “Чего вам не хватает в археологических музеях?” больше всего сторонников набрал вариант “Экспонатов” (16.5%)¹. И этот момент потенциально может стать точкой конфликта интересов между профессиональным сообществом и другими сторонами, поскольку сегодня очевидна тенденция к сокращению количества экспонатов в экспозиции и их ротации, а также сокращение DVI (Diligent visitor index) — относительного числа посетителей, которые осматривают хотя бы половину экспонатов (Yalowitz, Bronnenkant, 2009). Кроме того, очевидна и

тенденция к цифровизации экспозиций, с частичной заменой подлинников мультимедийными элементами.

Второе место по популярности (12.8%) разделили “Открытое хранение” и “Материалы по жизни экспедиции / Антропология археологической субкультуры”. Запрос на создание открытых хранений, особенно для массового материала, озвучивался давно (Волков, 2010), однако его привлекательность для массового зрителя остается спорной. Тем не менее подобный формат очень хорошо подходит для проведения различных образовательных программ, поэтому требует особого внимания. Не менее любопытен запрос на “Личный взгляд археолога” (11%), который подсказывает важность персонификации материала.

При этом симптоматично, что вариант “Связь с местом раскопок” оказался на последнем месте с 6.1% голосов, хотя именно привязка археологического музея к локации раскопок сегодня является основной тенденцией и проявляется не только в экспозиции, но даже в архитектуре музеев (Baldwin, 2018).

При всем при этом более трети респондентов сочли, что археологические музеи в принципе не важны для профессионального сообщества (16.4% — не важны, 19.6% — скорее не важны). С тем, что музеи крайне важны, согласны лишь 3.2%. Таким образом, понимание роли музеев в институционализации и легитимации науки не сформировано не только в массовом, но и в профессиональном сознании. Иногда подобное отношение к музеям проскальзывает даже на уровне используемой лексики: “...я был оппонентом на докторской диссертации в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Это бывший Институт этнографии, *разжалованный* (выделено нами. — И.Г., А.Л., А.Г.) в Музей” (Клейн, 2017. С. 86). Очевидно, что в негласной табели о рангах музеев в сознании профессионального сообщества находится ниже академического института или вуза. Некоторые представители профессионального сообщества говорят об этом открыто: “Музей в научной субкультуре позиционируется как научно-вспомогательное учреждение, что можно рассматривать как более низкий статус, чем музей в общероссийской культуре и практике организации науки за рубежом” (Научное мировоззрение, 2017).

Интересна подборка археологических музеев, которые произвели на респондентов наибольшее

¹ Возможно было дать три варианта ответа.

впечатление. Часто встречаются в ответах Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей, хотя иногда и с оговорками (“сама коллекция” или “исключительно уникальностью экспонатов”). Среди других российских музеев лидерами являются Болгарский государственный историко-археологический музей-заповедник, музей-заповедник “Куликово поле”, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, который занял пятое место в рейтинге наиболее популярных музеев в Российской Федерации (2018)². Последнее входит в явное противоречие с продемонстрированным респондентами низким интересом к экспозиционному дизайну и сопутствующим элементам.

Экспозиции именно этих трех музеев могут служить примерами авторских дизайнерских решений археологических экспозиций. На основании этого можно предположить, что подсознательно профессиональное сообщество все-таки выбирает для знакомства с археологическим материалом комфортную “нескучную” экспозиционную среду.

Очень широким в выборке получился спектр зарубежных музеев, которые численно превосходят отечественные. Однако найти систему в предпочтениях крайне сложно. По частоте упоминаний выделяется Стамбульский археологический комплекс, Археологический музей в Афинах, польские музеи (“Подземелье рынка” в Кракове, Археологический музей в Варшаве, Археологический комплекс на о. Леднице) и немецкие (Берлин, Халле, Биберах) специализированные музеи.

Интересно сравнить позицию российско-го профессионального сообщества с международной практикой археологических музеев и экспозиций.

Прежде всего стоит отметить, что археологические музеи не теряют привлекательности и пользуются уважением в музейном сообществе. За последние 20 лет сразу три из них выиграли главный европейский музейный приз the European Museum of the Year Award: Археологический музей в Аликанте, Испания (2004); Галло-романский музей (The Gallo-Roman Museum) в Тонгерене, Бельгия (2011); Medina Azahara музей в Кордобе, Испания (2012).

Показательно, что при этом ни один из археологических музеев еще не выигрывал приз

Кеннета Хадсона, который выдается за вклад музея в развитие сообщества. Очевидно, что описанный выше конфликт интересов актуален и задача по интерпретации археологического наследия в интересах локального сообщества еще не решена.

Исходя из анализа европейских археологических музеев и экспозиций, можно выделить следующие магистральные тенденции.

Внимание непосредственно к работе археолога и методологии раскопок. Эта тенденция не является узкоспециализированной. Сегодня передовые научные музеи обязательно используют в экспозиции отдельные элементы, описывающие повседневную работу ученых (Музей Блау в Барселоне, Музей науки в Лондоне, Музей коммуникаций во Франкфурте). Современные музеи предпочитают показывать весь цикл археологической работы, а не только представлять ее конечный результат в виде артефактов. Как правило, в мультимедийном формате (видео или интерактивная программа) посетитель может ознакомиться с правилами и последовательностью работы с археологическим памятником от его обнаружения до возвращения первоначального вида. Наиболее яркие примеры подобного подхода: Национальный исторический музей Эстонии (Таллин), Археологический музей (Варшава). В музее Syon House (Большой Лондон) работа археологов представлена в трансмедийном формате: отдельная археологическая экспозиция основана на истории работы в музее команды документального сериала Time team. В археологическом музее крепости Масады (Южный округ Израиля) экспозиция, изобилующая скульптурными группами, и в которую интегрированы витрины с находками, заканчивается скульптурной реконструкцией кабинета Иггаэля Ядина — археолога, долгое время руководившего раскопками в Масаде. В данную скульптурную композицию включены подлинные предметы — личные вещи И. Ядина, в том числе археологические инструменты, его научные книги и статьи, посвященные раскопкам в Масаде.

Ярким примером интеграции археологического музея в жизнь локального сообщества является опыт музея Aboa Vetust & Ars Nova (Турку, Финляндия). Само по себе интересно сочетание в одном музее археологии и современного искусства, которые дополняют друг друга и позволяют привлекать различные по интересам и социально-демографическим

² Мой любимый музей // Сайт “Культура РФ”: URL: <https://www.culture.ru/s/fm/>

показателям аудитории. При этом раскопки частично ведутся на территории музея, а часть экспозиции представляет археологические объекты *in situ*. Однако главное то, как музей работает с представлением археологии в публичном пространстве. Здесь введена такая практика, как “приемная археолога”, которая работает каждый четверг в специально отведенное время, где любой гражданин может получить ответы на свои вопросы о раскопках. Также вопросы можно отправлять на сайте музея, в социальных сетях и по e-мейл. Помимо этого, археологи и волонтеры ведут блоги о ходе раскопок³.

Для включения жителей в процесс раскопок в июле музеем проводятся одно- и двухдневные курсы с практикой на настоящем раскопе. Эти же занятия включены в программы детских городских лагерей, чтобы дети во время отдыха могли познакомиться с наследием города.

Интерактивность. Данная тенденция также является общей для современных музеев, однако в археологических экспозициях она особенно выигрышна и эффективна, поскольку позволяет посетителю полностью понять функциональное назначение представленных объектов.

Более крупные музеи также внедряют в свои экспозиции интерактивные элементы, причем посетитель получает возможность примерить на себя не только роль исследователя (Музей Космокайша, Барселона), но и, например, первобытного человека, который обрабатывает скребком шкуру (Музей истории Каталонии, Барселона).

При этом зачастую сам процесс “раскопок” сильно увлекает посетителей, особенно самых юных, которые составляют значительную часть музейной аудитории. Вот типичный отзыв из социальных сетей: “Больше часа наши 2–3-летние дети провели в отделе природы (вечные и повсеместные медведи, зайцы, лоси) и археологии! Потому что с ними был прекрасный педагог, и потому что там была песочница, прямо в музейном зале, с косточками и мусором для раскопок. После этого дети спросили, когда мы опять пойдем в музей”.

³ Yleisökaivauksella selviää mitä arkeologit tekevät ja miksi // Сайт музея Aboa Vetus & Ars Nova: URL: https://www.aboavetusarsnova.fi/fi/uutiset/yleisokaivauksella-selviaa-mita-arkeologit-tekevät-ja-miksi?fbclid=IwAR1FY-92FqrPN_BO8VGw7a7hVlnPtCZPqd_xBRvqA4SBIvAwA4-uJmSzohP7o

Интеграция археологического пространства в городское. Вслед за включением археологических памятников в повседневное городское пространство музеи также начали делать акцент на том, что археология является частью повседневной жизни и археологические памятники являются неотъемлемой частью городской жизни.

В экспозициях данная задача совмещения археологического и городского пространства чаще всего решается при помощи наложения археологических объектов на современные карты. Подобные карты могут быть самостоятельным элементом дизайна (Музей античного стекла, Задар) или вспомогательным, как дополнение к этикетажу (Музей Лондона, Музей истории города Праги). Иногда подобные материалы сопровождаются видовыми фотографиями и видео с места городских раскопок, а также элементами дополненной реальности, набирающими популярность в последнее время.

Иногда встречаются более оригинальные варианты. В Музее истории Екатеринбурга общий дизайн экспозиции сделан так, что культурный слой показан как элемент городской жизни: рисунки и коллажи на стенах образно демонстрируют процесс его накопления. Тем самым подчеркивается, что, по сути, горожанин может каждый день ходить по археологическому памятнику. Такой подход направлен на то, чтобы сформировать хотя бы базовое понимание, что городское пространство может являться археологическим памятником, т.е. объектом наследия, что, в свою очередь, должно привести к бережному отношению к городской среде.

В целом, подобные подходы позволяют увеличить эмпатию и интерес к археологическому наследию, поскольку облегчают современную идентификацию с объектами археологии, а кроме того, придают историко-культурную ценность городскому пространству.

Интеграция археологии с локальной историей. Базовые элементы Конвенции Фаро (2005) об использовании культурного наследия часто находят свое отражение в небольших музеях, посвященных истории локальных территорий. Наиболее ярким примером можно считать новый музей Стоунхенджа, в основе концепции которого лежат три главные ценности — люди, смыслы, ландшафт (People — Meanings — Landscape). Последний элемент особенно важен, поскольку подчеркивает важность

природной/экологической составляющей в наследии. Любопытно, что музей Стоунхенджа был построен в нескольких километрах от самого объекта, чтобы не нарушать историко-культурный ландшафт. При этом внутри музея была сделана мультимедийная копия Стоунхенджа, чтобы посетители могли увидеть его изнутри: сейчас вход на территорию самого памятника практически полностью запрещен.

Не менее интересным примером является музей района Югендассе (Франкфурт-на-Майне), где практически вся экспозиция расположена в музеефицированном раскопе, представляя тем самым местную историю практически *in situ*. В самой экспозиции объекты соседствуют с историями или интерактивными элементами, посвященными повседневной жизни района.

Археология как основа реконструкции. В отдельных случаях археологические музеи основное внимание уделяют реконструкциям, выстроенным на основе археологического материала, создавая тем самым трехмерную модель прошлого. В данном случае археологические объекты включаются в более сложные системы, например в реконструкцию торговых путей или структуры древних жилищ, как это сделано в Археологическом музее Кракова. Иногда подобные реконструкции превращаются в самостоятельные музеи, как это произошло с Парком Викингов в Йорке. Однако примеров такого рода не очень много, хотя именно это направление выглядит одним из наиболее перспективных и востребованных, при этом, однако, снова возвращающим археологию к статусу “истории, вооруженной лопатой”.

В интересах прежде всего археологического сообщества воспринимать музеи как канал коммуникации с локальными группами и делать акцент не только на экспонатах, поскольку основная задача современного научного музея “не читать лекции о науке, а стремиться к тому, чтобы давать информацию и вдохновлять” (*Inspiring futures...*, 2016). И здесь надо обратить внимание на антропологию археологической науки — повседневную жизнь и быт, а также личный взгляд археолога на памятник, артефакт или научную проблему — эти форматы еще недостаточно представлены, но вместе с тем они могут быть интересны и широкому кругу посетителей. Это подтверждает популярность таких современных медиа-проектов,

как “10 глупых вопросов” профессионалу. Помимо всего прочего, такой подход позволяет избавить науку от излишней мифологии и романтизации. Технология внедрения комментариев профессионалов в экспозицию в формате мини-интервью уже давно апробирована в научных музеях (Музей Блау, Барселона; Музей коммуникаций, Франкфурт-на-Майне), а кроме того, позволяет создавать кроссмедийные проекты, что повышает интерес к музею и увеличивает его узнаваемость.

Вместе с тем биографии многих представителей археологии в силу своей драматичности могут стать самостоятельным сюжетом для экспозиционно-выставочного проекта.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент в Российской Федерации есть определенный конфликт между интересами и приоритетами профессионального археологического сообщества и магистральными направлениями развития музеев. Данный конфликт может негативно повлиять на дальнейшую судьбу археологических музеев как социокультурного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-1. С. 195–200.
- Волков И.В. Охранная археология и музеи [Электронный ресурс] // Открытый текст. 2010. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/roundtable/index.html?id=3161> (дата обращения: 10.12.2019).
- Гринько И.А. Музей в создании образа города: анализ инструментария // *Брендинг территории: между маркетингом и фольклором: материалы междунар. науч. конф.* / Сост.: М.В. Ахметова, М.И. Байдуж, Н.В. Петров. М.: Дело, 2016. С. 20–23.
- Дукельский В.Ю., Фролов А.С. Археологические музеи // *Российская музейная энциклопедия*. Т. 1. М.: Прогресс, 2001. С. 44, 45.
- Жукова А.В. Возможности применения социархеологического подхода в музейной экспозиции // *Современные концепции первобытной истории: Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев*. М.: Гос. ист. музей, 2000. (Труды ГИМ; вып. 113). С. 46–49.
- Займан Дж. Реальная наука // *Социология науки. Статьи и рефераты* / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Гидрометеиздат, 2000.

- Каплунов В.А., Родионова Д.Д., Насонов А.А. Роль комплексного археологического музея-заповедника в развитии внутреннего туризма // Человек и культура. 2016. № 4. С. 110–117.
- Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 26 с.
- Клейн Л.С. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 576 с.
- Музейное проектирование: сб. / Отв. ред. А.А. Щербакова; сост. А.В. Лебедев. М.: Лаборатория музейного проектирования Российского ин-та культурологии, 2009. 256 с.
- Мурзинцева А.Е. Специфика и проблемы деятельности академических музеев Сибири археолого-этнографического профиля // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3-2. С. 84–90.
- Научное мировоззрение и будущее страны // Музей. 2017. № 12. С. 11.
- Романчук А.В. Музейный туризм: учебно-методическое пособие. СПб., 2010. 46 с.
- Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstock: Palgrave Macmillan, 2007. 134 p.
- Baldwin E. 10 Archaeology Museums That Combine Modern Architecture with the Ancient Past [Электронный ресурс] // Architizer. 2018. URL: https://architizer.com/blog/inspiration/collections/archaeology-museums/?fbclid=IwAR0O0s42u_63Wwsufydj0I0wTF-r5dXtXIHg-PmcQaEMMkGpdkBzHiYmzlAs (дата обращения: 10.12.2019).
- Brida J.G., Meleddu M., Pulina M. Understanding Urban Tourism Attractiveness: The Case of the Archaeological Ötzi Museum in Bolzano // Journal of Travel Research. 2012. V. 51, iss. 6. P. 730–741.
- Copley M.S. Towards presenting scientific research in archaeology museums // Museum Management and Curatorship. 2010. V. 25, iss. 4. P. 383–398.
- Inspiring futures: strategic priorities 2017–2030 [Электронный ресурс]. London: Science museum group. URL: <https://group.sciencemuseum.org.uk/wp-content/uploads/2017/06/Inspiring-Futures-Strategic-Priorities-2017-2030.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).
- Pujol L., Roussou M., Poulo S., Balet O., Vayanou M., Ioannidis Y. Personalizing Interactive Digital Storytelling in Archaeological Museums: the CHESS Project // Archaeology in the Digital Era. 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA) (Southampton, UK, 26–29 March 2012). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. P. 77–90.
- Schiele B. Science museums and centres: evolution and contemporary trends // Routledge handbook of public communication of science and technology / Ed. by M. Burchi, B. Trench. London; New York: Routledge, 2014. P. 40–59.
- Sturtevant W. Does anthropology need museums? // Proceedings of the Biological Society of Washington. V. 82. Washington: Biological Society of Washington, 1969. P. 619–650.
- Yalowitz S., Bronnenkant K. Timing and Tracking: Unlocking Visitor Behavior // Visitor Studies. 2009. V. 12, iss. 1. P. 47–64.
- Walker D. Decentering the discipline? Archaeology, museums and social media // Online Journal in Public Archaeology. 2014. V. 1. P. 77–102.

ARCHAEOLOGICAL MUSEUM: CLASH OF INTERESTS AND NEW FORMATS

Ivan A. Grinko*, Anton B. Lagutin**, Aleksandr A. Goncharov***

*Museum and Tourist Development Department of Moscow Agency for Tourism and Recreation
“MOSGORTUR”, Moscow, Russia*

*E-mail: IAGrinko@yandex.ru

**E-mail: ALagutin@mosgortur.ru

***E-mail: AGoncharov@mosgortur.ru

This paper develops the studies in the latent conflict between the interests of professional community and the public in designing museum archaeological exhibitions. The main objective of the article is to identify the possibilities for an archaeological museum to combine the interests of professional and local communities, as well as tourist audience. To implement this task the authors analyzed the requests of the professional archaeological community in the Russian Federation for the formats and content of archaeological museums and compared the obtained results with modern practices of presenting the archaeological heritage in European museums. The research tools included opinion survey among representatives of the archaeological community and field studies in museums in Germany, Great Britain, Spain, Greece, Poland, Estonia, Israel and other European countries.

Keywords: archaeology, museums, archaeological museums, anthropology of academic life, museum designing, museum exhibitions.

REFERENCES

- Andreyev V.M., 2014. Interpretive capability of the archaeological heritage and its museum presentation. *Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental research]*, 11-1, pp. 195–200. (In Russ.)
- Anholt S., 2007. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstock: Palgrave Macmillan. 134 p.
- Baldwin E., 2018. 10 Archaeology Museums That Combine Modern Architecture with the Ancient Past (Electronic resource). *Architizer*. URL: https://architizer.com/blog/inspiration/collections/archaeology-museums/?fbclid=IwAR00Os42u_63WwsufydjoI0wTFp5d-XtXIHg-PmcQaEMMkGpdkBzHiYmz1As
- Brida J.G., Meleddu M., Pulina M., 2012. Understanding Urban Tourism Attractiveness: The Case of the Archaeological Ötzi Museum in Bolzano. *Journal of Travel Research*, vol. 51, iss. 6, pp. 730–741.
- Copley M.S., 2010. Towards presenting scientific research in archaeology museums. *Museum Management and Curatorship*, vol. 25, iss. 4, pp. 383–398.
- Dukel'skiy V.Yu., Frolov A.S., 2001. Archaeological museums. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [Russian museum encyclopaedia]*, 1. Moscow: Progress, pp. 44, 45. (In Russ.)
- Grin'ko I.A., 2016. The museum in creating the image of the city: Analysis of tools. *Brendirovaniye territoriy: mezhdru marketingom i fol'klorom: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Branding of territories: Between marketing and folklore: Proceedings of the international scientific conference]*. M.V. Akhmetova, M.I. Bayduzh, N.V. Petrov, comp. Moscow: Delo, pp. 20–23. (In Russ.)
- Inspiring futures: strategic priorities 2017–2030 (Electronic resource). London: Science museum group. URL: <https://group.sciencemuseum.org.uk/wp-content/uploads/2017/06/Inspiring-Futures-Strategic-Priorities-2017-2030.pdf>
- Kamenskiy S.Yu., 2009. Aktualizatsiya arkhologicheskogo naslediya v sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktikakh: avtoreferat dissertatsii ... kandidata kul'turologii [Actualizing archaeological heritage in modern socio-cultural practices: the author's abstract of a doctoral thesis in Cultural Studies]. Ekaterinburg. 26 p.
- Kaplunov V.A., Rodionova D.D., Nasonov A.A., 2016. The role of the integrated archaeological museum-reserve in the development of domestic tourism. *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*, 4, pp. 110–117. (In Russ.)
- Kleyn L.S., 2017. Muki nauki: uchenyy i vlast', uchenyy i den'gi, uchenyy i moral' [The evils of science: The scientist and power, the scientist and money, the scientist and moral]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 576 p.
- Murzintseva A.E., 2006. Specificity and issues of the activity of the academic archaeological and ethnographic museums in Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, vol. 5, iss. 3-2, pp. 84–90. (In Russ.)

- Muzeynoye proyektirovaniye: sbornik [Museum design: Collected papers]. A.A. Shcherbakova, ed., A.V. Lebedev, ed. Moscow: Laboratoriya muzeynogo proyektirovaniya Rossiyskogo instituta kul'turologii, 2009. 256 p.
- Pujol L., Roussou M., Poulo S., Balet O., Vayanou M., Ioannidis Y., 2012. Personalizing Interactive Digital Storytelling in Archaeological Museums: the CHES Project. *Archaeology in the Digital Era. 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 77–90.
- Romanchuk A.V., 2010. Muzeyny turizm: uchebno-metodicheskoye posobiye [Museum tourism: a study and methodology guidebook]. St. Petersburg. 46 p.
- Schiele B., 2014. Science museums and centres: evolution and contemporary trends. *Routledge handbook of public communication of science and technology*. M. Bucci, B. Trench, eds. London; New York: Routledge, pp. 40–59.
- Sturtevant W., 1969. Does anthropology need museums? *Proceedings of the Biological Society of Washington*, 82. Washington: Biological Society of Washington, pp. 619–650.
- Volkov I.V., 2010. Okhrannaya arkheologiya i muzei (Elektronnyy resurs) [Salvage archaeology and museums (Electronic source). URL: <http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/roundtable/index.html?id=3161>
- Walker D., 2014. Decentering the discipline? Archaeology, museums and social media. *Online Journal in Public Archaeology*, 1, pp. 77–102.
- Yalowitz S., Bronnenkant K., 2009. Timing and Tracking: Unlocking Visitor Behavior. *Visitor Studies*, vol. 12, iss. 1, pp. 47–64.
- Zayman Dzh., 2000. Real science. *Sotsiologiya nauki. Stat'i i referaty [Sociology of science. Articles and abstracts]*. S.A. Kugel', ed. St. Petersburg: Gidrometeoizdat. (In Russ.)
- Zhukova A.V., 2000. Possibilities of applying the social and archaeological approach to museum exposition. *Sovremennyye kontseptsii pervobytnoy istorii: Problemy interpretatsii pamyatnikov arkheologii v ekspozitsiyakh istoricheskikh, krayevedcheskikh i arkheologicheskikh muzeev [Modern concepts of primitive history: Issues of interpretation of archaeological sites in historical, local lore, and archaeological museums]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 46–49. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 113). (In Russ.)
- The scientific worldview and the future of the country. *Muзей [Museum]*, 2017, 12, p. 11. (In Russ.)